

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ Вестник

международный научный журнал

2026

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 2 (54) / 2026

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

При оформлении обложки использована картина Джона Моргана «Присяжные».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Абубекерова А.А., Грабовская Д.Н.
Организация местного самоуправления в Краснодарском крае: исторический аспект. 1

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Гавришев М.И.
Актуальные проблемы правового регулирования особых экономических зон в Российской Федерации 5

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Резник Е.В.
Некоторые проблемы наследования как правопреемства в исполнительном производстве. 8

- Чудайкина Н.А.
Современные особенности правового регулирования договора дарения в Российской Федерации 11

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Щепарева Е.М.
Субсидиарная ответственность как важный инструмент защиты прав кредиторов и механизм восстановления справедливости в случае банкротства должника 14

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Горелов А.В.
Сложность опровержения презумпций привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. 17

- Куртуков Р.С.
Роль арбитражных судов в формировании этики делового оборота: теоретико-правовое исследование 20

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Ларина С.Н.
Критерии системности и повторяемости в определении домашнего насилия 23

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Хартанович В.А.
Проблемы применения Венской Конвенции 1980 года как основного источника регулирования правоотношений в договоре международной купли-продажи товаров. 26

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Организация местного самоуправления в Краснодарском крае: исторический аспект

Абубекерова Амелия Артуровна, студент;

Грабовская Дарина Николаевна, студент

Научный руководитель: Мангушева Тамара Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются этапы формирования и трансформации местного самоуправления в Краснодарском крае с восемнадцатого века до начала двадцать первого века. Анализируются ключевые исторические события и указы, влияющие на административные преобразования региона, и обращается внимание на значимость этих изменений для локального управления. Основной мыслью статьи является то, что система местного самоуправления на Кубани прошла через несколько значительных этапов, начиная с указа Екатерины второй в 1783 году, который положил начало интеграции этих земель в состав Российской империи, и заканчивая введением нового Федерального закона № 33, ознаменовавшего переход на одноуровневую систему организации местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, развитие, муниципальные районы, городские округа, Краснодарский край, Кубань.

Organization of Local Self-Government in the Krasnodar Territory. Historical Aspect

Abubekerova Amelia Arturovna, student;

Grabovskaya Darina Nikolaevna, student

Scientific advisor: Mangusheva Tamara Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Saratov State Law Academy

This article examines the stages of formation and transformation of local self-government in the Krasnodar Territory from the eighteenth century to the beginning of the twenty-first century. It analyzes key historical events and decrees that influenced the administrative changes in the region, and highlights the significance of these changes for local governance. The main idea of the article is that the system of local self-government in the Kuban region has gone through several significant stages, starting with the decree of Catherine II in 1783, which marked the beginning of the integration of these lands into the Russian Empire, and ending with the introduction of the new Federal Law No. 33, which marked the transition to a single-tier system of local self-government.

Keywords: local self-government, development, municipal districts, urban districts, Krasnodarsky District, Kuban

Первой попыткой формирования территории краснодарского края был указ Екатерины второй в апреле 1783 года. Он содержал присоединение Правобережной Кубани и Таманского полуострова к Российской империи. Для осуществления контроля над местной организацией власти в течение столетия — конца 18 — конца 19 вв. был издан ряд законодательных актов, регламентировавших должностные функции и формы организации местного самоуправления на Кубани как на войсковом, так и на местном, станичном и хуторском, уровнях.

Одним из этих актов является «Порядок общей пользы» [3]. Он носил характер подзаконного регионального правового акта по отношению к актам общероссийским, иными словами, первая казачья «конституция». По нему определялась форма управления войском, во главе которого стояло войсковое правительство. В его состав входили по должности три человека: атаман кошевой, войсковой судья и войсковой писарь.

Войсковому правительству подчинялись окружные правления, которые составляли среднее звено управле-

ния. В них входили полковник, есаул, хорунжий. Вся территория Кубани на тот момент была поделена на пять округов: Екатеринодарский, Фанагорийский, Бейсугский, Ейский, Григорьевский.

Низшая ступень властной лестницы войска была представлена куренными и сельскими атаманами, особыми смотрителями, приставами и десятскими селений и различными чиновниками, отвечавшими за какой-то узкий участок работы. Промежуточное звено между войсковым правительством, средним и низшим уровнем власти занимал войсковой есаул. В его функции входил контроль за исполнением приказов атамана и войскового правительства окружными чиновниками и кордонными старшинами [4].

8 июля 1803 г. земских сыскных начальств стало 4: Екатеринодарское, Бейсугское, Ейское и Таманское. Каждое из них состояло из трех должностных лиц. Акцент тогда делался на самой нижней ступени системы самоуправления — куренной (станичной). По указу Канцелярии от 18 июля 1802 г. в куренях должны были быть сельские смотрители. В итоге были в наличии три должностных лица без четких разграничений обязанностей, но на выборной основе.

26 апреля 1827 г. было издано «Положение об управлении Черноморского войска». Данный правовой акт продолжал начатые преобразования системы управления Черноморским войском. По новому законоположению Войсковая Канцелярия под председательством Войскового Атамана делилась на две экспедиции: Воинскую и Экономическую. Для наведения порядка в куренных селениях сохранялась лишь должность куренного атамана, которому в помощь избирались двое судей.

Наиболее активные и масштабные преобразования системы самоуправления казачьих войск Кубани приходятся на вторую половину 19 в. Была проведена попытка создания пяти уездов: Ейского, Екатеринодарского, Баталпашинского, Темрюкского и Майкопского. На основании царского указа 1869 г. с внесением отдельных элементов земских структур закончилась упразднением уездов и заменой их особыми казачьими военно-административными единицами — отделами. Власть в станицах осуществлял: Станичный Сход, Станичный атаман со Станичным Правлением и Станичный Суд, несущие, соответственно законодательные, исполнительные и судебные функции. За выборами в станицах должны были наблюдать чиновники из войскового правления, которые назывались наблюдатели.

В 1917 году политика Временного правительства в отношении казачества носила двойственный характер: оно пыталось поставить под свой контроль и использовать казаков как военную силу, не препятствуя в то же время их относительной самостоятельности в местном самоуправлении. В Кубанской области остался старый аппарат управления, и появились новые органы власти — гражданские комитеты [5].

Земств не было, вместо них существовало станичное самоуправление в лице станичного сбора, атамана,

суда и станичного правления. Во главе области стоял Наказной Атаман (он же Начальник области), объединявший в своих руках гражданскую и военную власть и подчинявшийся царскому наместнику на Кавказе. Города области имели самоуправление в виде городских дум и управ. В городах была и полиция, которая была отдельна от казачьих частей. Реальной властью на местах оставались станичные правления, а советов казачьих депутатов не было вообще.

В период СССР на Кубани была сформирована система самоуправления, основанная на системе Советов. На местах власть перешла к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а казачьи органы местного самоуправления перестали существовать. Верхнюю позицию в системе местного самоуправления заняли местные Советы. Эти органы власти и управления, действовали в границах существующих административных территорий. Далее шли Исполнительные органы (исполкомы). Они находились в подчинении местных Советов, но при этом были подотчетны и вышестоящим Советам. Деятельность органов местного самоуправления регулировалась Конституцией 1976 года.

В начале 90-х годов на Кубани еще 2 года сохранялась структура местного самоуправления, которая была сформирована еще в СССР. В середине 1992 года прошла дискуссионная волна по поводу структуры местного самоуправления применительно к г. Краснодару, инициатором которой был глава местной администрации В. А. Самойленко [6]. Также заметным событием в развитии местного самоуправления было утверждение горсоветом Положения о городском референдуме по вопросу названия города. Это решение принималось исключительно по воле городских депутатов. Жители должны были определиться по вопросу о том, следует ли переименовать Краснодар в Екатеринодар. В итоге референдум признали несостоявшимся.

Местное самоуправление в Краснодарском крае в начале двадцать первого века также претерпело множество изменений. 6 октября 2003 года вступил в силу новый федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], что ознаменовало собой масштабную реформу по переходу на двухуровневую систему местного самоуправления. К первому уровню стали относиться сельские и городские поселения, а также внутригородские районы городского округа. Вторым уровнем — муниципальные районы и городские округа с внутригородским делением.

Первым этапом внедрения новой системы местного самоуправления в Краснодарском крае стало принятие Закона Краснодарского края «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» от 7 июня 2004 года [8], вторым — проведение 23 октября 2005 года выборов депутатов представительных округов и глав вновь образованных муниципальных образований поселенческого уровня. Закон Краснодарского края отменил действие другого закона от 6 июля 1999 года № 192-КЗ «О порядке отзыва депутатов представительных органов местного

самоуправления и глав муниципальных образований в Краснодарском крае» [10], а также закона от 24 марта 1997 года № 71-КЗ «О территориях муниципальных образований в Краснодарском крае, порядке их реорганизации или упразднения, установления и изменения их границ» [11].

С 2003 года на территории Краснодарского края были образованы 378 новых муниципальных образований первого уровня — городских и сельских поселений, входящих в состав 37 муниципальных районов — муниципальных образований второго уровня. 11 городских округов края также стали являться муниципальными образованиями второго уровня. Распоряжением главы администрации края от 17 января 2005 г. № 6-р была образована комиссия по изучению вопросов, связанных с наделением муниципальных образований Краснодарского края статусом муниципальных районов и городских округов.

Следующая часть реформы местного самоуправления произошла в 2009 году, когда был принят Закон Краснодарского края № 1765-КЗ «Об административно-территориальном устройстве Краснодарского края и порядке его изменения» [12]. В соответствии с законом города краевого подчинения были исключены из объектов административного деления. Также был признан утратившим силу Закон Краснодарского края от 6 октября 2004 года № 780-КЗ «Об административно-территориальном устройстве Краснодарского края и порядке его изменения» [13]. Так, на основании сведений реестра административно-территориальных единиц Краснодарского края и Закона Краснодарского края от 3 июня 2009 года № 1756-КЗ [14] в состав Краснодарского края стали входить следующие административно-территориальные единицы: 38 районов, 26 городов, 12 посёлков городского типа, 411 сельских (станичных, поселковых) округов и 1725 сельских населённых пунктов.

20 марта 2025 года на смену федеральному закону № 131-ФЗ был принят федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [15], некоторые положения которого вступят в силу с 1 января 2027 года. Теперь повсеместно создаётся одноуровневая система организации местного самоуправления. Было принято упразднить муниципальные образования первого уровня — городские и сельские поселения, оставив только городской округ, муниципальный округ и внутригородскую территорию города федерального значения. Двухуровневую систему организации местного самоуправления закон № 33 позволяет сохранить благодаря поправкам, принятым Государственной Думой в марте 2025 года.

Председатель Законодательного Собрания Краснодарского края Юрий Александрович Бурлачко высказал своё мнение по поводу внедрения и развития организации местного самоуправления за 30-летний срок работы кубанского парламента: «В центре внимания всегда находилась ситуация в муниципалитетах. Нашими предшественниками был проделан огромный труд по реали-

зации 131-го Федерального закона. Мы с вами достойно пережили реформу местного самоуправления, в основе которой лежало разграничение полномочий, ответственности между всеми уровнями власти, создание финансово-экономических основ местного самоуправления, установление границ муниципальных образований и наделение их соответствующим статусом. И сегодня, исходя из требований времени и совершенствования федерального законодательства о местном самоуправлении, работа эта продолжается».

В настоящее время в Краснодарском крае сложилась смешанная система, в которой до сих пор продолжают действовать муниципальные округа. Вступление в силу с 1 мая 2019 года федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 87-ФЗ [16] ознаменовало введение нового вида муниципального образования — муниципального округа. В Краснодарском крае 8 декабря 2023 года в ходе сессии депутатами ЗСК было принято решение о преобразовании поселений, входящих в состав муниципальных образований Ленинградского, Приморско-Ахтарского и Туапсинского районов, путём их объединения в рамках муниципальных округов, статусом которых наделяются вновь образованные муниципальные образования. Соответственно, административными центрами новых муниципальных округов стали города Приморско-Ахтарск и Туапсе, а также станица Ленинградская. Данную одноуровневую модель в трёх пилотных муниципальных образованиях внедрили ещё до принятия федерального закона № 33 [15] в качестве эксперимента, который в итоге увенчался успехом: с 1 января 2025 года они в полную силу работают в новом статусе муниципальных округов.

«Предстоит сделать немало. Подлежит корректировке ряд как федеральных, так и краевых нормативных правовых актов. Не менее интенсивной будет и дискуссия. Но принятие 33-ФЗ — это, несомненно, важнейший шаг и новая веха развития местного самоуправления», — указывает Юрий Александрович Бурлачко. Следующая реформация организации местного самоуправления ожидается со вступлением в силу в полной мере с 1 января 2027 года федерального закона № 33 в части полномочий органов местного самоуправления. В настоящий момент вектор развития направлен на внутреннее обустройство субъекта и муниципальных образований в его составе, в центре которого стоят желания и интересы граждан.

Таким образом, становление и развитие местного самоуправления в Краснодарском крае — это длительный исторический процесс, берущий свои истоки с конца восемнадцатого века и продолжающийся по сей день. Также, развитие системы местного самоуправления в Краснодарском крае характеризуется постепенными позитивными изменениями, направленными на повышение эффективности управления на муниципальном уровне. Значительное внимание уделяется укреплению правовых основ, расширению полномочий муниципальных образований и повышению их финансовой самостоятельности.

В целом, динамика развития свидетельствует о стремлении Краснодарского края к формированию эффективной системы местного самоуправления, способной отвечать современным вызовам и обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются углубление анализа практических аспектов реализации полномочий и внедрение инновационных управленческих решений.

Литература:

1. Устав Краснодарского края (в ред. Закона Краснодарского края от 09.06.2010 № 1993-КЗ). URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1145/>
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
3. Коваленко В. В. Самоуправление казачьих станиц Кубани в конце XVIII — конце XIX вв. (по материалам законодательства) // ИСОМ. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoupravlenie-kazachih-stanits-kubani-v-kontse-hviii-kontse-hih-vv-po-materialam-zakonodatelstva> (дата обращения: 13.01.2026).
4. Зливко А. П. «Порядок общей пользы» — первая казачья «Конституция» // Теория и практика общественного развития. 2016. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-obschey-polzy-pervaya-kazachya-konstitutsiya> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Пушкин С. А. Эволюция власти на Кубани в 1917 году. От единоначалия к многовластию. URL: https://slavakubani.ru/news/arkhivnye-materialy/?ELEMENT_ID=3063&ysclid=mfvks9ogat859338281
6. Местное самоуправление в Краснодаре в начале 1990-х гг.: историко-правовой аспект. URL: <http://arbir.ru/miscellany/U18S920E57963>
7. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (закон о МСУ) от 06.10.2003 № 131-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
8. Закон Краснодарского края от 07.06.2004 № 717-КЗ «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23940717/?ysclid=mh4npeuiac364236023>
9. Результаты выборов депутатов городской Думы Краснодара четвертого созыва 23 октября 2005 года (опубл. 28 октября 2005 г.) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23979020/?ysclid=mh4nr2xn7i625365961>
10. Закон Краснодарского края от 06.07.1999 № 192-КЗ «О порядке отзыва депутатов представительных органов местного самоуправления и глав муниципальных образований в Краснодарском крае» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23901192/?ysclid=mh4nuaogqp343449503>
11. Закон Краснодарского края от 24.03.1997 № 71-КЗ «О территориях муниципальных образований в Краснодарском крае, порядке их реорганизации или упразднения, установления и изменения их границ» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23901071/>
12. Закон Краснодарского края от 02.07.2009 № 1765-КЗ «Об административно-территориальном устройстве Краснодарского края и порядке его изменения» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23941765/?ysclid=mh4o2pe495424349155>
13. Закон Краснодарского края от 06.10.2004 № 780-КЗ «Об административно-территориальном устройстве Краснодарского края и порядке его изменения» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23940780/?ysclid=mh4o7hm98q666451724>
14. Закон Краснодарского края от 03.06.2009 № 1756-КЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Краснодарского края об установлении границ муниципальных образований» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ// URL: <https://base.garant.ru/23941756/?ysclid=mh4o8usvd1631744739>
15. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // КонсультантПлюс// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/
16. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 01.05.2019 № 87-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323814/

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Актуальные проблемы правового регулирования особых экономических зон в Российской Федерации

Гавришев Михаил Иванович, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Участие государства в поддержке экономики является одним из наиболее значимых аспектов управления. С точки зрения права данная задача сводится преимущественно к формированию определенных юридических институтов, нацеленных на улучшение условий деятельности хозяйствующих субъектов при соблюдении как частных, так и публичных интересов.

Одним из подобных инструментов является режим особой экономической зоны (далее — ОЭЗ), появившийся в нашей стране в 2005 году после принятия Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [1].

Данный институт не является новшеством и существует в международной практике достаточно давно. Его история корнями восходит к торговому праву. Первоначально, прототипами современных особых экономических зон были торговые порты, предоставлявшие специальные, выгодные для участников рынка, условия хранения и обмена товаров.

Первые свободные промышленные зоны в современном их понимании стали появляться только во второй половине двадцатого века в целом ряде индустриальных стран Европы. На сегодняшний день, ввиду трансформации структуры экономики и международного рынка, подобная практика изменила свою географию в пользу Азии и Латинской Америки [12].

На данный момент на территории Российской Федерации действует пятьдесят девять особых экономических зон [13]. Их образование и последующее функционирование позволило привлечь более чем тысячу резидентов. В связи с активным развитием данного явления представляется важным провести его правовой анализ.

Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что система управления особыми экономическими зонами является достаточно комплексной и включает в себя субъекты, указанные в ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». К ним относится Министерство экономического развития Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и специально учреждающиеся управляющие компании.

При этом законодатель не относит к данному перечню органы местного самоуправления несмотря на то, что они являются территориальной основой организации самих зон, обеспечивают их финансирование, участвуют в создании всей необходимой производственной инфраструктуры, а также осуществляют непосредственный надзор за деятельностью резидентов. Подобное решение видится спорным, по следующим причинам:

1. Муниципалитеты способны осуществлять наиболее оперативное администрирование ОЭЗ и имеют полное понимание собственной территориальной специфики, что так же играет большую роль в данном вопросе.

2. Их включение в указанную систему позволило бы снизить нагрузку на федеральные и региональные органы, а также на практике реализовать принципы единства публичной власти.

3. Также это может вызвать положительный эффект непосредственно для субъектов предпринимательской деятельности, поскольку позволит сократить череду бюрократических этапов при решении наиболее срочных вопросов.

Другим противоречивым аспектом регулирования ОЭЗ является чрезмерно обширный перечень нормативных правовых актов, связанных с данным институтом, большая часть из которых относится к федеральному законодательству [11].

Помимо Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», который во многом выполняет роль рамочного и процедурного закона, к источникам правового регулирования относится большое количество актов Правительства Российской Федерации. Например, Постановление Правительства РФ от 14.02.2024 № 156 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны, Правил создания особой экономической зоны и изменения площади особой экономической зоны и требований к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами особых экономических зон» [2], содержащее в себе критерии и правила создания ОЭЗ, а также требования к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами.

Еще один пул подзаконных актов составляют Указы Президента Российской Федерации. Например, Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [3], Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4]. Несмотря на то, что данные акты не содержат в себе как таковые нормы права, они имеют большое стратегическое значение для потенциальных резидентов, поскольку содержат в себе дополнительные требования, которым должны соответствовать инвестиционные проекты.

Отдельную роль играют международные акты, а именно «Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны» [14] и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [15].

Подобный обширный массив законодательства представляет собой достаточно большую проблему для субъектов предпринимательской деятельности, поскольку усложняет процесс подготовки присоединения к ОЭЗ. Особенно остро этот вопрос стоит для иностранных инвесторов, готовых осуществлять свою деятельность на территории Российской Федерации.

Интеграция части норм, содержащихся в подзаконных нормативных актах в профильный закон в значительной степени позволило бы упростить навигацию по законодательству.

Анализ судебной практики последних лет позволяет выделить еще одну проблему правового регулирования деятельности ОЭЗ, которая заключается в частом злоупотреблении со стороны субъектов предпринимательской деятельности теми льготными условиями, которые предоставляются резидентам ОЭЗ.

Ярким примером может послужить Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.12.2019 по делу № А65–12854/2019. Согласно названному судебному акту, акционерное общество обязалось осуществлять в соответствии с заключенным между ним и Министерством экономического развития Российской Федерации технико-внедренческую деятельность на тер-

ритории особой экономической зоны «Иннополис». Суть этой деятельности в соответствии с соглашением сводилась к разработке, внедрению, реализации и оказанию услуг технической поддержки и сервисного обслуживания программного продукта по оказанию юридических консультаций.

Позже, в рамках плановой проверки было установлено, что фактически резидент не осуществлял указанный вид деятельности, не имея на территории ОЭЗ даже собственного офиса. В результате в судебном порядке с недобросовестного лица был взыскан штраф, а соглашение было расторгнуто ввиду совершения существенного нарушения.

Особенно частой эта проблема является для особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Субъекты, осуществляющие деятельность по данному направлению, достаточно часто не выполняют свои обязанности по осуществлению капитальных вложений и игнорируют предписания контрольных органов, что приводит к досрочному прекращению соглашений. Подобные ситуации описаны в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2014 № 07АП-6410/2014 [6], Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2014 № А03–22550/2013 [7], а также Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2015 № 07АП-7716/2015 [8]. Подобная частота нарушений свидетельствует о необходимости развития системы контроля за деятельностью резидентов ОЭЗ, а также увеличения мер ответственности, повышения эффективности указанных мер. В настоящее время в практике распространены 5% штрафы, расчет которых идет относительно общей суммы предполагаемых капитальных вложений.

Обобщая все сказанное выше, можно заключить, что институт особых экономических зон остается достаточно значимым инструментом, позволяющим улучшать инвестиционный климат на территории Российской Федерации. Однако качественное развитие нормативной базы позволило бы эффективнее реализовывать потенциал данного института, решать поставленные перед ним задачи.

Литература:

1. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3127
2. Постановление Правительства РФ от 14.02.2024 № 156 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны, Правил создания особой экономической зоны и изменения площади особой экономической зоны и требований к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами особых экономических зон» // «Собрание законодательства РФ», 19.02.2024, № 8, ст. 1123
3. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.03.2024, № 10, ст. 1373
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.12.2019 по делу № А65–12854/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

6. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2014 № 07АП-6410/2014 по делу № А03–1319/2014 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2014 по делу № А03–22550/2013 // СПС «КонсультантПлюс»
8. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2015 № 07АП-7716/2015 по делу № А03–7645/2015 // СПС «КонсультантПлюс»
9. Алиева Э. Б., Гаврилов А. С. Проблемы правового регулирования особых экономических зон // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 54–56
10. Тарасова Ю. А., Бобкова Т. С., Кожевникова С. А. К вопросу правового регулирования особых экономических зон в России // Вестник Евразийской науки, 2018 № 3
11. Кодирова А. С., Комов В. Э. Особые экономические зоны: проблемы, предпосылки совершенствования и зарубежный опыт // Материалы прессконференции Финансового университета при Правительстве РФ. — 2019. — No 1–2. — С. 132–135
12. Farole, T., & Akinci, G. (Eds.). (2011). *Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions*. Washington, DC: The World Bank
13. Особые экономические зоны. — Текст: электронный // economy.gov.ru: [сайт]. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 18.01.2026).
14. «Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны» (Заклучено в г. Санкт-Петербурге 18.06.2010) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7.
15. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Некоторые проблемы наследования как правопреемства в исполнительном производстве

Резник Елена Васильевна, помощник нотариуса

Нотариальная контора нотариуса нотариального округа Магнитогорского городского округа Сугурова Марата Жаслановича (Челябинская область)

Исполнительное производство занимает одно из ключевых мест в системе российского права, являясь завершающей стадией правосудия, а также основным этапом в процессе принудительного исполнения актов иных органов и должностных лиц. Вместе с тем, как и в других институтах права, в исполнительном производстве возможно универсальное правопреемство, правила в отношении которого установлены законами Российской Федерации об исполнительном производстве. Автором выявлены проблемы, возникающие при переходе к наследникам прав и обязанностей наследодателя по исполнительному производству, и предлагаются варианты их решения.

Ключевые слова: наследование, правопреемство, исполнительное производство, приостановление исполнительного производства, замена стороны исполнительного производства.

Наследование красной нитью проходит сквозь всю историю российского нотариата и является одним из тех институтов, где нотариус играет ключевую роль. Вместе с тем, наследование, являясь универсальным правопреемством, регулирует переход к наследникам не только прав, но и обязанностей наследодателя (ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)). Как известно, обязанности наследодателя могут быть установлены актами органов, должностных лиц, а также судебными актами, порядок приведения в исполнение которых устанавливается не исключительно, но главным образом законодательством об исполнительном производстве.

Правило о том, что лицо, участвующее в исполнительном производстве в качестве стороны, не может быть заменено другим лицом в отношении прав и обязанностей, неразрывно связанных с личностью наследодателя, применяется к правопреемству в исполнительном производстве, а также к наследованию в целом. В качестве примера можно привести отсутствие возможности перехода правопреемникам права на возмещение вреда, который причинен жизни и здоровью, или права на получение алиментов. При этом стоит отметить, что задолженность по таким платежам, возникшая до смерти правопреемника, подлежит выплате правопреемниками в пределах стоимости наследственного имущества (ст. 1112 ГК РФ).

К тому же гражданское законодательство устанавливает прекращение обязательств должника (в нашем случае — обязательств наследодателя) если исполнение неразрывно связано с личностью должника или не может быть произведено без личного участия должника, равно

как прекращаются обязательства кредитора (также наследодателя) если обязательство неразрывно связано с личностью кредитора, либо исполнение предназначено лично для кредитора (ст. 418 ГК РФ).

П. 3 ч. 3 ст. 44 Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрено прекращение обязанности по уплате налогов (сборов) смертью физического лица — налогоплательщика. При этом задолженность, образовавшаяся до смерти такого лица, должна быть погашена наследниками с учетом правил, предусмотренных гражданским законодательством.

Возвращаясь к исполнительному производству, хотелось бы отметить, что сама по себе смерть должника не препятствует возбуждению или продлению исполнительного производства.

Правопреемник, как сторона исполнительного производства, выбывшая в связи со смертью, заменяется на правопреемника судебным приставом-исполнителем (ч. 1 ст. 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). В данном случае для определения преемников судебный пристав-исполнитель приостанавливает исполнительное производство (п. 1 ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

В случае выбытия взыскателя или должника в исполнительном производстве, возбужденном на основании выданного судом исполнительного документа, вопрос о правопреемстве подлежит разрешению судом. По вопросу правопреемства в суд могут обратиться: судебный пристав-исполнитель, стороны исполнительного производства, лицо, считающее себя правопреемником выбывшей стороны исполнительного производства [1, п. 27].

До устранения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления исполнительного производства, оно должно быть приостановлено судебным приставом-исполнителем или судом, а возобновляется после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его приостановления (ч. 1 и ч. 2 ст. 42 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), в случае смерти стороны исполнительного производства, соответственно, до того момента, как круг наследников будет определен.

Отметим, что исполнительное производство может быть прекращено по решению суда в случае смерти стороны исполнительного производства, будь то смерть взыскателя-гражданина или должника-гражданина, если для установленных судебным актом, актом другого органа или должностного лица требований или обязанностей отсутствует возможность перехода к правопреемнику (п. 1 ч. 1 ст. 43 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») (в этом случае речь снова идет о правах и обязанностях, неразрывно связанных с личностью наследодателя).

Далее, после принятия судебного акта о замене стороны исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о замене стороны исполнительного производства правопреемником, которое утверждается старшим судебным приставом или его заместителем (ч. 3 ст. 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Для правопреемника все действия, совершенные до его вступления в исполнительное производство, обязательны в той мере, в какой они были обязательны для стороны исполнительного производства, которую правопреемник заменил (ч. 4 ст. 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Вместе с тем, законодательством об исполнительном производстве не установлено в чью обязанность входят отслеживание и установление информации о смерти стороны исполнительного производства. Несмотря на то, что сведения о государственной регистрации факта смерти, которые содержатся в Едином государственном реестре ЗАГС предоставляются, в том числе и службе судебных приставов (ч. 1 ст. 13.2 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»), в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» не установлено с какой периодичностью и в каких случаях судебным приставом-исполнителем, в ведении которого находится исполнительное производство, такие сведения должны быть истребованы.

Также такая обязанность законом не установлена ни в отношении правопреемников (наследников), ни в отношении взыскателя (если наследодатель является должником), хотя именно они несут непосредственные риски, связанные с неприостановлением исполнительного производства в связи со смертью должника. В первую очередь, конечно, могут пострадать интересы взыскателя,

хотя бы тем, что могут значительно увеличиться сроки исполнительного производства. При этом представляется, что взыскатель вряд ли обладает возможностью самостоятельно истребовать сведения о записи акта гражданского состояния (в данном случае смерти) должника.

Совсем иное можно сказать о правопреемниках. Предполагается, что наследники должны предоставить сведения о смерти стороны исполнительного производства судебному приставу-исполнителю, в ведении которого находится исполнительное производство. В то же время, наследники не всегда в достаточной мере обладают правовой грамотностью, чтобы обратиться к судебному приставу-исполнителю с просьбой приостановить исполнительное производство для замены его стороны. Также, зачастую, после смерти близкого родственника наследники находятся в подавленном состоянии, не позволяющем в полной мере осуществлять свои права и обязанности, в том числе и в указанном случае.

Важно отметить, что законом об исполнительном производстве предусмотрено, что по приостановленному исполнительному производству до его возобновления применение мер принудительного исполнения не допускается (ст. 6 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), в целях недопущения применения мер принудительного исполнения, в период приостановления исполнительного производства до его возобновления [1, п. 31].

К мерам принудительного исполнения частью 3 статьи 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» отнесены обращения взыскания на имущество должника, в том числе на денежные средства и ценные бумаги, имущественные права, на периодические выплаты, которые получает должник в силу социальных, гражданско-правовых или трудовых правоотношений; во исполнение судебного акта об аресте имущества также накладывается арест на имущество должника находящееся как у самого должника, так и у третьих лиц; также имущество должника может быть изъято.

Таким образом, если исполнительное производство не будет вовремя приостановлено в связи со смертью должника, существенным образом могут быть нарушены права сторон исполнительного производства. Так, например, имел место случай, когда недвижимое имущество должника после несостоявшихся торгов было оставлено за взыскателем с последующей регистрацией на него перехода права собственности в Едином государственном реестре недвижимости. Указанное событие произошло в период не истекшего шестимесячного срока с момента смерти должника, о которой не знал ни судебный пристав-исполнитель, ни взыскатель; наследники же при этом, до момента обращения к нотариусу за заведением наследственного дела, не обладали информацией о наличии исполнительного производства, в связи с чем также не осуществили действий по извещению судебного пристава исполнителя о смерти должника, в связи с чем сторонам пришлось решать возник-

ший спор в судебном порядке [5]. Так как в указанном случае взыскатель выразил согласие оставить за собой имущество должника до смерти должника, а постановление об оставлении имущества взыскателю было вынесено судебным приставом-исполнителем после смерти должника, и также после смерти было зарегистрировано право собственности на имя взыскателя, хотя при этом известно, что принятое наследство в соответствии с ч. 4 ст. 1152 ГК РФ признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства, возникла правовая неопределенность в отношении собственника указанного недвижимого имущества в период от дачи согласия взыскателем об оставлении имущества за собой и до момента регистрации его права собственности в Едином государственном реестре недвижимости. В указанном случае истцом был наследник, не получивший причитавшегося ему наследственного имущества, в связи с передачей указанного имущества взыскателю.

Также имеют место быть споры, где истцом является взыскатель, не получивший причитавшегося ему исполнения, в связи с тем, что судебным приставом-исполнителем не было приостановлено исполнительное производство в связи со смертью должника и, соответственно, не была произведена замена стороны исполнительного производства на правопреемника [7], в результате чего имущество, принадлежавшее умершему должнику, было получено наследниками [8], но обеспечительные меры в отношении которого судебным приставом-исполнителем не были своевременно приняты в нарушение прав взыскателя.

Анализируя иную практику судов в отношении указанного вопроса, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев суды в своих решениях основываются на том, что существующее законодательство не возлагает на судебного пристава-исполнителя обязанности запрашивать сведения о смерти стороны исполнительного производства и отказывают истцам (в большинстве случаев взыскателям, права которых на получение по исполнительным документам не реализованы, в связи с незаменной/несвоевременной заменой стороны исполнительного производства наследником) в признании бездействия судебного пристава-исполнителя незаконным [6].

В то же время, существует судебная практика, в соответствии с которой бездействие судебного пристава-исполнителя в части своевременного направления запросов и истребования ответов из органов ЗАГС по исполнительному производству было признано незаконным [4].

Анализируя вышесказанное может быть сделан вывод о правовом пробеле в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в части отсутствия указания на субъект, в обязанность которого входит мониторинг выбытия одной из сторон исполнительного производства. Хотя под таким выбытием Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» указывает несколько вариантов: смерть гражданина, реорга-

низация организации, уступка права требования, перевод долга, считаем, в данном случае речь должна идти именно о смерти стороны исполнительного производства. Это обосновано тем, что в случае реорганизации организации, данные сведения являются общедоступными, то есть беспрепятственно получаемыми заинтересованной стороной, а в случае уступки права требования и перевода долга логичным является предоставление таких сведений судебному приставу-исполнителю заинтересованной стороной. Вместе с тем именно сведения о смерти гражданина не являются общедоступными: перечень лиц, имеющих право получить такие сведения установлен Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» и строго ограничен.

Итак, указанная (как и любая другая) пробельность права «нарушает единство правового пространства, снижает качество правового воздействия... снижается эффективность правовой системы в целом... законодательное регулирование подменяется толкованием... усиливается произвол исполнителей, теряется авторитет закона» [2].

Учитывая, что в административных правоотношениях гражданин считается более уязвимой стороной, решением указанной проблемы представляется возложение обязанности истребования сведений о смерти стороны исполнительного производства на судебного пристава-исполнителя. Анализируя судебную практику по указанному вопросу сделан вывод о необходимости указания в законе также на периодичность истребования судебным приставом-исполнителем таких сведений: представляется, что такие сведения должны быть истребованы перед каждым исполнительным действием.

Кроме того, в век цифровизации и стремительного развития межведомственного взаимодействия, представляется актуальным рассмотрение вопроса о реализации функции автоматического поступления из электронного реестра записей актов гражданского состояния в Федеральную службу судебных приставов сведений о смерти гражданина. Такая функция не только снизит нагрузку на службу судебных приставов, но и окажет содействие в своевременной реализации прав сторон исполнительного производства, что несомненно усилит авторитет власти, что в свою очередь, усилит авторитет права [3].

Резюмируя изложенное, учитывая тот факт, что проблема, изложенная в данной статье состоит из двух факторов: отсутствия у пристава-исполнителя сведений о смерти стороны исполнительного производства и отсутствия (в большинстве случаев) у наследников (правопреемников) правовой грамотности в области исполнительного производства, предлагается также вменить в обязанность нотариуса, взаимодействие граждан с которым в наследственных отношениях презюмируется, необходимость разъяснения им положений ФЗ «Об исполнительном производстве», регулирующих замену стороны исполнительного производства и ее последствия.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». — Текст: электронный//consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (дата обращения: 12.01.2026).
2. Лушников, П. В. Пробелы в праве и способы их восполнения/П. В. Лушников. — Текст: непосредственный// Вестник Удмуртского университета. — 2020. — № 3. — С. 396.
3. Хабибулин Р. К. Характеристика авторитета российской государственной власти в сознании граждан. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. 19.00.12 — Политическая психология. Санкт-Петербург. 2015. 177 С. — Текст: электронный//Диссертационные советы: официальный сайт. — URL: <https://disser.spbu.ru/?ysclid=mbjew6muj722530700> (дата обращения: 05.06.2025)
4. Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 03 июля 2024 г. по делу N 33а-13046/2024. — Текст: электронный — URL: https://vs-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=54181296&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.08.2025).
5. Решение Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 20 мая 2025 г. по делу № 2а-906/2025. — Текст: электронный — URL: https://magord-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1& (дата обращения: 20.08.2025).
6. Решение Свердловского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 30 июля 2024 г. по делу N 2а-3635/2024. — Текст: электронный — URL: https://sverdlovsky-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=517896532&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.06.2025).
7. Решение Свердловского районного суда г. Красноярск Красноярского края от 20 февраля 2024 г. по делу N 2а-1627/2024. — Текст: электронный — URL: https://sverdl-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=431581929&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 07.10.2025).
8. Решение Советского районного суда г. Самары Самарской области от 25 апреля 2024 г. по делу N 2а-1087/2024. — Текст: электронный — URL: https://sovetsky-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=89562698&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.01.2026).

Современные особенности правового регулирования договора дарения в Российской Федерации

Чудайкина Наталья Алексеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена комплексному анализу договора дарения в российском гражданском праве. Рассматриваются его правовая природа и существенные условия, а также проводится разграничение договора дарения с иными смежными гражданско-правовыми институтами. Анализируются актуальные проблемы правоприменения, выявляемые в современной судебной практике. Особое внимание уделяется требованиям к форме договора, основаниям его отмены и отказа от исполнения, а также налогово-правовым последствиям дарения.

Ключевые слова: договор дарения, особенности договора дарения.

Введение

Договор дарения относится к числу классических институтов гражданского права и направлен на безвозмездную передачу имущества или имущественных прав. При внешней простоте он характеризуется рядом особенностей, требующих научного осмысления. Актуальность темы обусловлена широким применением договора дарения и значительным количеством судебных споров, связанных с его правовым регулированием.

Цель статьи заключается в анализе основных особенностей договора дарения в российском гражданском праве.

Актуальность статьи обусловлена широкой распространённостью договора дарения в гражданско-правовом обороте. Несмотря на внешнюю простоту, он представляет собой сложную и многогранную правовую конструкцию с длительной историей формирования.

1. Существенные признаки договора дарения и его отличие от смежных договоров

В соответствии со ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) договор дарения — это договор, по которому одна сторона (даритель) безвозмездно передаёт или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имуще-

ственное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает её от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом. [1].

Ключевой отличительный признак договора дарения — его безвозмездный характер. Он заключается в том, что одаряемое лицо не берёт на себя обязательств по предоставлению какого-либо возмещения или иного встречного исполнения. Такое отсутствие встречной обязанности чётко отделяет дарение от возмездных гражданско-правовых сделок, к числу которых относятся, в частности, купля-продажа, мена и рента.

Отграничение договора дарения от мнимой и притворной сделок является еще одной важной проблемой. В случае мнимой сделки стороны не имеют намерения породить правовые последствия, а в случае притворной сделки прикрывается другая сделка (например, сделка купли-продажи). [2].

2. Форма договора дарения

В соответствии со ст. 574 ГК РФ форма договора дарения зависит от его предмета. Так, договор дарения движимого имущества между физическими лицами может быть заключён устно, за исключением случаев, предусмотренных законом. Договор дарения недвижимого имущества подлежит государственной регистрации и требует обязательной письменной формы. Дарение доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или акций также должно быть оформлено в письменной форме. Особое значение имеет обещание дарения (ст. 572 ГК РФ). Обещание дарения должно быть выражено в письменной форме, содержать чёткое намерение дарителя безвозмездно передать конкретное имущество или право одаряемому, а также должно быть конкретным по своему содержанию. В противном случае оно не влечёт юридических последствий и не может быть исполнено в принудительном порядке. [1].

3. Отмена и отказ от исполнения договора дарения

ГК РФ устанавливает ряд оснований для отмены дарения (ст. 578 ГК РФ). Даритель вправе отменить дарение, если одаряемый совершил покушение на его жизнь, жизнь членов его семьи или близких родственников либо умышленно причинил дарителю телесные повреждения. Отмена дарения также возможна, если одаряемый обращается с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, таким образом, что это создаёт угрозу её безвозвратной утраты. Закон также допускает отмену дарения в случае, если даритель переживёт одаряемого, если это условие закреплено в договоре. [2].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 14. ст. 572.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 14. ст. 582.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 14. ст. 582.

Даритель вправе отказаться от исполнения договора дарения (ст. 577 ГК РФ) при наличии определенных обстоятельств, например, при существенном ухудшении своего имущественного или семейного положения. Однако отказ от исполнения договора дарения не допускается, если договор был заключен в письменной форме и предусматривает обязательство передать дарение в будущем. [4].

4. Налоговые аспекты договора дарения

Налоговые последствия договора дарения регулируются Налоговым кодексом РФ (НК РФ). В соответствии со ст. 217 НК РФ доходы, полученные в порядке дарения от членов семьи и близких родственников, не подлежат налогообложению. Однако если дарение осуществляется между лицами, не являющимися членами семьи или близкими родственниками, одаряемый обязан уплатить налог на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке 13% от стоимости полученного в дар имущества. [5].

5. Актуальные проблемы и перспективы развития законодательства

Практика применения норм о договоре дарения свидетельствует о ряде нерешённых проблем. В частности, возникают споры о квалификации сделок как дарения или притворной сделки, об основаниях отмены дарения, о порядке определения стоимости подаренного имущества для целей налогообложения.

В перспективе представляется целесообразным внести изменения в гражданское законодательство с целью уточнения понятия «большая неимущественная ценность» для целей отмены дарения, а также более чёткого регулирования налогообложения доходов, полученных в порядке дарения, в частности, в отношении случаев дарения между дальними родственниками. [6].

Заключение

Договор дарения является важным инструментом гражданского оборота. Он характеризуется безвозмездностью и направлен на передачу имущества или прав от одного лица к другому. При заключении и исполнении договора дарения необходимо учитывать требования закона о его форме, основания для отмены и отказа от исполнения, а также налоговые последствия. Дальнейшее изучение проблем правоприменения, связанных с договором дарения, и совершенствование законодательства в этой области будет способствовать обеспечению стабильности гражданских отношений и защите прав участников договора дарения.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 14. ст. 577.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 117. ст. 217.
6. Белоусова, Е. В. Особенности договора дарения в российском гражданском праве // Вестник науки. — 2023. — № 10 (67). — С. 15–19.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Субсидиарная ответственность как важный инструмент защиты прав кредиторов и механизм восстановления справедливости в случае банкротства должника

Щепарева Елена Михайловна, студент магистратуры

Московский университет «Синергия»

В статье раскрываются вопросы актуальности в современном мире привлечения дополнительного должника к субсидиарной ответственности в рамках банкротного судопроизводства, а также проблемы применения данного механизма.

Ключевые слова: ответственность, банкротство, должник, суд.

Вопросы субсидиарной ответственности остаются одними из наиболее дискуссионных и значимых аспектов российского гражданского права. Их важность обусловлена изменениями законодательной базы последних лет, усложнением корпоративных отношений и увеличением числа банкротств юридических лиц.

В современном мире, где бизнес-среда становится все более динамичной и сложной, вопросы банкротства приобретают особую остроту. И в этом контексте **субсидиарная ответственность** — это не просто юридический термин, а мощный инструмент, призванный обеспечить справедливость и защитить интересы кредиторов. Давайте разберемся, почему эта тема так актуальна сегодня.

Что же такое субсидиарная ответственность простыми словами? Давайте представим, что компания обанкротилась и ее активов не хватает, чтобы погасить долги перед кредиторами. В обычной ситуации они могли бы остаться ни с чем. Но если выясняется, что банкротство произошло не случайно, а по вине руководителей или собственников, которые своими действиями (или бездействием) довели компанию до такого состояния, то именно эти люди могут быть привлечены к субсидиарной ответственности. Это означает, что они будут обязаны погасить долги предприятия за счет своего личного имущества.

При рассмотрении дел о банкротстве всегда есть должник, который не способен в силу каких-либо обстоятельств удовлетворить требования кредиторов. А в случае субсидиарной ответственности всегда имеются основной должник и дополнительный.

В качестве основного должника в деле о банкротстве, согласно действующему законодательству, выступает юридическое или физическое лицо. Но именно дополнительный должник несет субсидиарную ответственность. По общему правилу сначала кредитор должен потребо-

вать исполнения финансовых обязательств от основного должника. К дополнительному должнику можно обратиться в том случае, если основной отказался удовлетворить требование или кредитор не получил от него ответа в разумный срок. К субсидиарному должнику также можно обратиться и в том случае, когда основной должник не отказался от исполнения, но, очевидно, не сможет сделать этого своевременно [1].

Почему применение рычага субсидиарной ответственности актуально именно сейчас? В первую очередь встает вопрос защиты добросовестных кредиторов. В условиях экономической нестабильности многие компании сталкиваются с финансовыми трудностями. Субсидиарная ответственность становится эффективным механизмом защиты кредиторов, позволяя им вернуть хотя бы часть своих средств, когда основной должник не в состоянии это сделать. Это особенно важно для предприятий малого и среднего бизнеса, которые часто оказываются в уязвимом положении.

Далее, субсидиарная ответственность — это борьба с недобросовестным поведением. К сожалению, существуют нечистоплотные предприниматели, которые используют банкротство как способ уйти от ответственности, вывести активы и оставить кредиторов с пустыми руками. Субсидиарная ответственность выступает как мощный сдерживающий фактор, заставляя руководителей и собственников действовать осмотрительно и ответственно.

Знание о возможности привлечения к субсидиарной ответственности стимулирует руководителей компаний более тщательно управлять финансами, вести прозрачную отчетность и принимать взвешенные решения. Это способствует общей дисциплине в бизнес-среде [6].

Еще одной из причин актуализации вопроса субсидиарной ответственности является расширение правоприменительной практики. Законодательство о банкротстве

постоянно развивается, и судебная практика по вопросам субсидиарной ответственности становится все более обширной и детализированной. Это позволяет более эффективно применять нормы права и добиваться справедливости в сложных делах [3].

Кроме того, когда кредиторы уверены, что их интересы будут защищены, они более охотно идут на сотрудничество, предоставляют займы и инвестируют в бизнес. Это, в свою очередь, способствует общей экономической стабильности и развитию.

Несмотря на многолетний опыт применения субсидиарной ответственности и важность ее наличия в целом, реализация этого механизма не всегда проста. Даже в сегодняшних реалиях актуальными остаются следующие вопросы:

1. Четкое определение границ ответственности: где проходит грань между добросовестным риском и умышленным доведением до банкротства?

2. Доказательная база: как эффективно доказать причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответственного лица и банкротством компании?

3. Своевременное привлечение: как не упустить момент и привлечь к ответственности именно тех, кто виновен в банкротстве?

4. Баланс интересов: как найти золотую середину между защитой кредиторов и недопущением чрезмерного давления на добросовестных предпринимателей?

В настоящее время институт субсидиарной ответственности играет важную роль в защите интересов кредиторов и обеспечении справедливого распределения рисков между участниками гражданских правоотношений. Однако практика показывает наличие в действующем законодательстве ряда недостатков и пробелов, требующих доработки. Рассмотрим основные направления улучшения нормативно-правового регулирования субсидиарной ответственности.

1. Уточнение критериев вины контролирующих лиц.

Проблема заключается в чрезмерной широте формулировок действующего закона, допускающих разные трактовки судами условий наступления субсидиарной ответственности. Для повышения определенности предлагается установить четкие критерии вины руководителя или собственника юридического лица, подлежащего привлечению к ответственности. Например, включить нормы, предусматривающие вину лишь в случаях умышленного уклонения от исполнения обязательств либо грубой халатности.

2. Оптимизация сроков исковой давности.

Сегодня сроки предъявления требований о взыскании субсидиарной ответственности установлены достаточно жестко и вызывают трудности у добросовестных

участников процесса. Целесообразно рассмотреть возможность увеличения срока исковой давности, что позволит кредиторам реализовать свое право на возмещение убытков даже спустя продолжительное время после начала процедуры банкротства.

3. Установление порядка взаимодействия государственных органов и частных субъектов.

Практика показывает необходимость налаживания эффективного сотрудничества между государственными органами (налоговыми службами, правоохранительными органами) и частными кредиторами. Следует разработать механизм передачи необходимой информации и документальных доказательств в рамках процедур субсидиарной ответственности [7].

4. Разработка специальных правовых механизмов для небольших предприятий.

Для предприятий малого и среднего бизнеса целесообразно создать упрощенные правила установления и взыскания субсидиарной ответственности, учитывая особенности их финансового состояния и структуры управления. Это могло бы способствовать развитию малого предпринимательства и снижению количества злоупотреблений в сфере корпоративных взаимоотношений.

5. Совершенствование процессуальной регламентации судебных разбирательств [4; 5].

В условиях большого объема споров о субсидиарной ответственности необходима оптимизация судопроизводства. Важно ускорить процессы рассмотрения исков и минимизировать вероятность затягивания дела заинтересованными лицами. Возможно введение обязательного досудебного урегулирования конфликтов путем переговоров сторон перед обращением в суд [2].

6. Обучение и повышение квалификации судей и адвокатов.

Недостаточная квалификация некоторых представителей юридической профессии препятствует эффективному применению норм о субсидиарной ответственности. Рекомендуются создание специализированных курсов повышения квалификации для судей и адвокатов, работающих с такими делами, а также внедрение образовательных модулей в программы подготовки студентов-юристов.

Заключение

Вопросы применения субсидиарной ответственности в делах о банкротстве являются крайне актуальными и будут оставаться таковыми в обозримом будущем. Это ключевой механизм, который обеспечивает справедливость, защищает добросовестных участников рынка и способствует здоровому развитию экономики. Понимание его сути и нюансов применения важно как для кредиторов, так и для самих предпринимателей, стремящихся вести бизнес ответственно и прозрачно.

Литература:

1. Арсентьев М. В., Минаков К. В. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица как особый вид субсидиарной ответственности // Молодая наука Сибири. 2022. № 3 (17). С. 284–289.

2. Бельская Н. В. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности участника общества с ограниченной ответственностью // Устойчивость региональных систем в условиях глобальных изменений. Архангельск, 2023. С. 19–24.
3. Кочеулов Ю. Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2020. 141 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 31.07.2025 г.).
7. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Сложность опровержения презумпций привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности

Горелов Алексей Владимирович, студент магистратуры
Московский городской педагогический университет

В статье анализируются актуальные проблемы и судебная практика опровержения законодательных презумпций при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, презумпция вины, судебная практика.

Длительное время институт привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, имея законодательное закрепление в Федеральном законе от 26.10.2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее Закон о банкротстве), пребывал в относительно «дремлющем» состоянии.

На сегодняшний день, претерпев значительные изменения на законодательном уровне и накопив обширную правоприменительную практику институт субсидиарной ответственности стал подобен карающему мечу для значительного круга лиц, что с одной стороны, повысило шансы на удовлетворение требований кредиторов, в том числе уполномоченных органов, но с другой стороны, создало неоправданно высокие риски для субъектов субсидиарной ответственности, которые, в действительности, не обладали контролем и не являлись прямыми выгодоприобретателями в отношениях с должником.

Указанная тенденция на практике зачастую приводит к нарушению баланса интересов кредиторов должника и лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в связи с банкротством последнего.

16 августа 2017 г. Федеральной налоговой службой было опубликовано письмо № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» [2], посредством которого произошло не просто толкование, но и существенное расширение нормативной базы, касающейся субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ). Это обстоятельство закономерно привело к повышению вероятности привлечения бенефициаров к ответственности по обязательствам должника.

Необходимо отметить, что письма уполномоченного органа, как указал в свое время Конституционный суд РФ квалифицируются как документы, разъясняющие смысл законодательных положений и обладающие отдельными признаками нормативности. В то же время, они не устанавливают новых правовых норм, не содер-

жат уточняющих предписаний обязательного характера и, с формальной точки зрения, не относятся к нормативным правовым актам.

Методические указания, адресованные налоговым инспекциям, носят сугубо рекомендательный и информационный характер. Следовательно, они не ограничивают право судов, следственных органов и налогоплательщиков применять нормы российского законодательства, исходя из их собственного толкования, которое может расходиться с позицией, изложенной в ведомственных документах.

С целью недопущения противоположной тенденции, высшей судебной инстанцией Российской Федерации — Верховным судом РФ на сегодня сформирована весомая практика по привлечению КДЛ к субсидиарной ответственности, которая постоянно совершенствуется по настоящее время в целях соблюдения баланса интересов кредиторов должника-банкрота и руководства/собственников бизнеса последнего.

Характерная черта института субсидиарной ответственности — это ее значительный размер, так как она включает в себя все обязательства, принятые должником после наступления признаков его объективного банкротства, либо все непогашенные требования кредиторов.

Как привлекаемым к субсидиарной ответственности лицам защитить свои права и интересы при опровержении установленных законодателем презумпций, с учетом информационно-разъяснительного, с одной стороны, характера данного документа и обладающего нормативными свойствами, с другой, попытаемся разобраться в настоящей статье.

Безусловно, установленные законодателем презумпции играют огромную роль при распределении бремени доказывания между сторонами в арбитражном процессе. Представляется справедливым тезис о том, что стандарт доказывания должен быть реалистичным и соотноситься с объективными возможностями сторон по сбору дока-

зательной базы. Судебная практика признает недопустимым возложение бремени доказывания на участника спора в ситуации, когда доступ к необходимым сведениям искусственно блокируется недобросовестным процессуальным оппонентом. С данным подходом трудно не согласиться.

Законодательство о несостоятельности формирует систему правовых презумпций, охватывающих различные аспекты ответственности бенефициаров бизнеса. В частности, закон регламентирует критерии определения статуса контролирующего лица (ст. 61.10), а также закрепляет презумпции, позволяющие вменить ответственность за невозможность расчетов с кредиторами (ст. 61.11) и за нарушение обязанности по своевременному инициированию банкротной процедуры (ст. 61.12). Законодатель закрепил две дополнительные презумпции вины: первая связана с отсутствием или искажением корпоративной документации, а вторая — с внесением недостоверных данных в государственные реестры (ЕГРЮЛ и ЕФРСДЮЛ).

Рассмотрим на примере Письма ФНС № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» [2] выделенные уполномоченным органом презумпции и их порядок опровержения с помощью судебной практики.

Итак, первой презумпцией привлечения к субсидиарной ответственности уполномоченный орган выделяет причинение существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника (подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Позиция фискального органа сводится к тому, что конструкция п. 3 ст. 61.11 Закона о банкротстве направлена на оптимизацию судебного процесса. Данный подход допускает объединение требований об оспаривании сделок и о субсидиарной ответственности в рамках одного обособленного спора. Кредитору не требуется предварительно получать судебный акт о недействительности сделки в отдельном процессе; достаточно привести соответствующие доводы и доказательства непосредственно при обосновании первой презумпции ответственности. Более того, такой механизм применим даже в ситуациях, когда у кредитора формально недостаточно голосов для самостоятельного оспаривания сделок (согласно п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве), но материальные основания для этого имеются.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ сформулировала такой вывод в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 4 августа 2022 г. № 305-ЭС21-21196 (5), что при анализе подобных конфликтов необходимо оценивать добросовестность контрагента через призму поведения абстрактного разумного участника хозяйственного оборота. Эталон такого поведения формируется судебной практикой с учетом конкретных обстоятельств дела. Следовательно, если

действия лица существенно выбиваются из общепринятых стандартов и не имеют разумного экономического объяснения, это может служить индикатором недобросовестности, пока не доказано обратное.

В качестве следующего основания ответственности (второй презумпции) в разъяснениях рассматривается нарушение правил работы с финансовой документацией. Речь идет о норме подп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, которая перекладывает риски на руководителя в случае ненадлежащего ведения бухгалтерского учета, а также при отсутствии или искажении отчетности и иных обязательных документов должника.

Касательно презумпции, закрепленной в подп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, разъясняется расширение субъектного состава ответственности. Под риск попадает не только руководитель, обязанный организовать систему учета, но и непосредственные исполнители (бухгалтеры, юрисконсульты и иные профильные специалисты), на которых возложены функции ведения и хранения документации. При этом заявитель по-прежнему обязан доказать, что указанные лица обладали статусом КДЛ.

Определением от 10.03.2021 № 307-ЭС21-1059 (1,2) по делу № А56-73220/2017 [8] судья Верховного суда РФ подтвердил обоснованность мнения нижестоящих судов, которые решили, что главный бухгалтер не может быть привлечен к субсидиарной ответственности, указав на ошибочность подхода, при котором родственники генерального директора автоматически признаются контролирующими лицами исключительно по факту родства. Также суд отметил, что для привлечения главного бухгалтера необходимо доказать факт намеренного искажения отчетности и реальную возможность влиять на хозяйственные решения должника, чего в рассматриваемом деле сделано не было.

Третьей презумпцией уполномоченный орган в рассматриваемом письме выделяет презумпцию, установленную подпунктом 3 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

В пункте 4.3 своего Письма уполномоченный орган категорично указывает: если задолженность, подтвержденная актом налоговой проверки или приговором суда, составляет более 50% от суммы требований кредиторов третьей очереди, то это является достаточным доказательством факта-основания презумпции. С точки зрения фискального органа, в такой ситуации «считается доказанным», что невозможность погашения требований кредиторов вызвана именно действиями привлекаемых лиц. Тем самым презюмируется прямая причинно-следственная связь между налоговым правонарушением и банкротством.

На этот счет Верховный Суд опубликовал Определение от 25 декабря 2023 г. № 305-ЭС23-11757 по делу № А40-23442/2020 [9], в котором суд отметил, что механизм субсидиарной ответственности требует доказательства совокупности двух условий. Во-первых, факт привлечения должника к налоговой ответственности за занижение базы или иные нарушения при исчислении налогов. Во-

вторых, доначисленная сумма должна составлять более 50% от основной задолженности перед реестровыми кредиторами третьей очереди. Высшая судебная инстанция сделала акцент на том, что наличие только первого факта (налогового правонарушения) недостаточно для применения данной презумпции.

Более того, анализ свежей судебной практики 2024–2025 годов позволяет сделать вывод о существенной корректировке жесткого подхода, изложенного в Письме ФНС. Суды, руководствуясь общими принципами гражданского права (которые, к слову, упоминаются и в п. 3 Письма ФНС как основание для права ответчика доказывать отсутствие вины), всё чаще указывают, что сам по себе акт налоговой проверки не имеет заранее установленной силы (преюдиции) для признания лица виновным в банкротстве.

Ключевой вывод актуальной практики состоит в том, что наличие фамилии лица в материалах налоговой проверки (например, в качестве учредителя или директора контрагента, участвующего в схеме) не означает автоматического присвоения ему статуса КДЛ по отношению к основному должнику. Если лицо действовало в рамках стандартного предпринимательского риска, не извлекало личной выгоды из установленной налоговой схемы и не принимало управленческих решений, приведших к объективному банкротству, то гражданско-правовая ответственность (субсидиарная) не может наступать автоматически вслед за налоговой.

Таким образом, для успешного преодоления «налоговой» презумпции защите удастся доказать отсутствие причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и банкротством, даже если налоговый орган считает его участником группы выгодоприобретателей. Суды подчеркивают: гражданско-правовая ответственность требует доказательства вины именно в доведении до банкротства, что не тождественно фискальным выводам о получении необоснованной налоговой выгоды.

Четвертая презумпция, выделенная уполномоченным органом, состоит в невозможности полного погашения требований кредиторов с отсутствием или искажением корпоративной документации (подпункт 4 пункта 2 статьи 61.11 О банкротстве).

Уполномоченный орган указывает, что смысл этой презумпции в том, что если лицо, контролирующее должника-банкрота, привело его в состояние невозможности полного погашения требований кредиторов, то во избежание собственной ответственности оно заинтересовано в сокрытии следов содеянного. Таким образом, вменяемое правонарушение контролирующему должнику лицу выражается не в том, что такое лицо не передало бухгалтерскую и иную документацию должника арбитражному управляющему, а в его противоправных деяниях, повлек-

ших банкротство подконтрольного им лица и, как следствие, невозможность погашения требований кредиторов (определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2020 г. № 305-ЭС18–14622 (4,5,6) по делу № А40–208525/2015).

Пятая презумпция привлечения к субсидиарной ответственности на взгляд уполномоченного органа состоит в невозможности полного погашения требований кредиторов в связи с отсутствием или недостоверностью сведений, подлежащих отражению в ЕГРЮЛ и ЕФРСФДЮЛ. (подпункт 5 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Уполномоченный орган проводит аналогию со ст. 431.2 ГК РФ, предлагая рассматривать раскрытие информации как публичные заверения об обстоятельствах. Поскольку участники гражданского оборота принимают решения, полагаясь на открытые данные, предоставление недостоверных сведений (или их незаконное сокрытие) влечет обязанность возместить убытки. В контексте банкротства это трансформируется в субсидиарную ответственность руководителя и лиц, уполномоченных на раскрытие информации (как в силу должности, так и по доверенности).

При опровержении данной презумпции следует руководствоваться теми же принципами, что и в отношении не передачи бывшим руководителем документов. Ключевым фактором выступает степень влияния такого умолчания на ход процедуры: суду необходимо установить, насколько сокрытие информации реально затруднило проведение банкротных мероприятий, а также препятствовало выявлению активов и наполнению конкурсной массы.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть: несмотря на обширную судебную практику и наличие законодательных презумпций вины КДЛ, автоматический подход в таких делах недопустим. Каждая процедура банкротства уникальна. При разрешении спора приоритетное значение имеет детальный анализ конкретных оснований, заявленных истцом, поскольку хозяйственная деятельность должника часто сопряжена с множеством нетипичных обстоятельств, выходящих за рамки стандартных схем. Заявитель не должен ограничиваться лишь одним фактом предположения противоправных действий в отношении организации-банкрота со стороны КДЛ, поэтому построение позиции защиты лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, должно непременно учитывать особенности деятельности юридического лица-банкрота, а также общие принципы судебной оценки тех или иных фактов, на которые будет ссылаться контролирующее должника лицо в обоснование своей позиции. В этом нам и призвана в помощь судебная практика.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

2. О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: письмо Федеральной налоговой службы от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
3. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2015 № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 15. — Ст. 2301.
4. О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо Федеральной налоговой службы от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ // Учет. Налоги. Право. Официальные документы. — 2017. — 21–27 нояб. (№ 43–44).
5. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. — 2017. — 29 дек. (№ 297).
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2016 № Ф04-303/16 по делу № А03-20637/2014. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.08.2022 № 305-ЭС21-21196 (5) по делу № А41-70837/2017. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2021 № 307-ЭС21-1059 (1,2) по делу № А56-73220/2017. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2023 № 305-ЭС23-11757 по делу № А40-23442/2020. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/>.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2020 № 305-ЭС18-14622 (4,5,6) по делу № А40-208525/2015. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/>.

Роль арбитражных судов в формировании этики делового оборота: теоретико-правовое исследование

Куртуков Роман Сергеевич, старший преподаватель

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье исследуется роль арбитражных судов в формировании и поддержании этических стандартов делового оборота в России. Автор анализирует процессуальные механизмы, посредством которых арбитражная практика влияет на становление общепринятых норм и стандартов ведения предпринимательской деятельности, а также способствует укреплению деловой этики в экономической сфере.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитражный процесс, задачи арбитражного судопроизводства, предпринимательская деятельность, этика, деловой оборот.

В условиях современной рыночной экономики особую значимость приобретает формирование устойчивых этических стандартов делового оборота. Предсказуемость и добросовестность в поведении контрагентов напрямую влияет на инвестиционный климат и устойчивость рыночной экономики. Арбитражные суды, являясь специализированными органами по разрешению экономических споров, выполняют не только задачи, непосредственно связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, но и содействуют становлению и развитию партнёрских деловых отношений, мирному урегулированию споров, формированию обычаев и этики делового оборота.

Указанные задачи судопроизводства в арбитражных судах напрямую закреплены в п. 6 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [1], в его актуальной редакции.

В отечественном законодательстве отсутствует легальная дефиниция термина «деловой оборот». В свою очередь, в доктрине это понятие исследуется различными авторами в контексте значения обычаев делового оборота в правовом регулировании предпринимательских отношений. Так, к примеру, Н. И. Миклашевская пришла к выводу о том, что обычай делового оборота представляет собой «...санкционированный государством источник права, содержащий не предусмотренную законода-

тельством норму гражданского права, которая сложилась и широко применяется в какой-либо области предпринимательской деятельности» [2, с. 349]. В. Н. Козлова отмечает, что под обычаем делового оборота следует понимать «...сложившееся и широко применяемое правило поведения в предпринимательской деятельности, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе» [3, с. 34].

В целом большинство авторов сходятся во мнении о том, что обычаи делового оборота играют значительную роль в правовом регулировании предпринимательских отношений. Между тем, остаётся открытым вопрос о том, что именно следует понимать под деловым оборотом, в отрыве от его обычаев. На наш взгляд, будет корректным дать следующее определение понятию «деловой оборот»: это совокупность отношений, складывающихся между хозяйствующими субъектами в процессе осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, а также неформализованное отражение процесса их взаимодействия. В указанном аспекте не следует отождествлять категорию «деловой оборот» с широко используемыми в цивилистической доктрине терминами «гражданский оборот», «экономический оборот», а также «коммерческий оборот».

Этика делового оборота, по нашему мнению, представляет собой систему норм, правил и ценностей, регулирующих поведение участников деловой среды. В её основе лежит, прежде всего, стремление всех участников делового оборота к добросовестному поведению, уважению прав и законных интересов партнёров, а также к укреплению их деловой репутации.

Важнейшую роль в формировании этических стандартов поведения участников делового оборота, как уже говорилось ранее, играют арбитражные суды в процессе профессионального и беспристрастного разрешения экономических споров. В нормах АПК РФ не содержится чётких процессуальных механизмов, нацеленных на формирование обычаев и этики делового оборота, однако комплексный анализ его норм позволяет нам выделить ряд ключевых инструментов, способствующих достижению поставленной задачи. Рассмотрим их подробнее.

Несмотря на отсутствие в российской правовой системе доктрины судебного прецедента, практика арбитражных судов фактически выполняет функцию ориентира для участников делового оборота. Постановления Пленумов высших судебных инстанций, информационные письма их Президиумов, а также обзоры судебной практики формируют устойчивые модели поведения, которые с течением времени становятся неформальными этическими стандартами в деловой среде. Сам АПК РФ, начиная с 2018 года, позволил судьям арбитражных судов ссылаться в мотивировочной части решения на постановления Пленума ВС РФ, сохранившие силу постановления Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиумов ВС РФ и ВАС РФ и утверждённые ими обзоры судебной практики (п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ).

Одной из наиболее важных составляющих в процессе формирования судебной практики является толкование арбитражными судами принципов добросовестности участников гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ) [4] и разумности их действий (ст. 10 ГК РФ). В процессе осуществления правосудия судьи арбитражных судов на основании представленных сторонами доказательств и по своему внутреннему убеждению определяют границы допустимого поведения при заключении и исполнении договоров, оценивают добросовестность действий сторон при оспаривании сделок, устанавливают критерии разумности при определении размера убытков, неустоек и пр. Иллюстративным примером здесь может являться формирование арбитражными судами представления участников деловых взаимоотношений о недопустимых методах конкурентной борьбы на товарном рынке (гл. 2.1 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ) [5].

На основании п. 2 ст. 10 ГК РФ судьи арбитражных судов наделены правом отказывать в защите права при недобросовестном поведении участников деловых отношений, что может проявляться, в частности, в лишении юридической силы сделки, совершённой с нарушением этических норм, в отказе в удовлетворении требований, основанных на недобросовестных действиях, а также в применении мер гражданско-правовой ответственности. Всё это создаёт «негативные стимулы» для использования неэтичных предпринимательских практик хозяйствующими субъектами.

В зависимости от конкретной категории дела, направления формирования этических стандартов деловых отношений могут существенно различаться. Так, к примеру, рассматривая дела, вытекающие из корпоративных конфликтов, арбитражные суды формируют стандарты добросовестного поведения мажоритарных и миноритарных акционеров, прозрачности принятия управленческих решений внутри корпорации, справедливого распределения прибыли и пр. Формируя культуру договорного взаимодействия, арбитражные суды определяют критерии существенного нарушения договора, пределы свободы договорного регулирования, а также правила толкования их неоднозначных и двусмысленных условий. Судебная практика, формирующаяся при рассмотрении арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве), оказывает существенное влияние на унифицирование этических стандартов взаимодействия должника с кредиторами, внешнего управления организацией-должником со стороны арбитражного управляющего, а также решения вопросов, связанных с распределением конкурсной массы.

Безусловно, приведённый нами список примеров отнюдь не является исчерпывающим. Потенциал арбитражных судов в деле формирования этических стандартов поведения участников предпринимательских отношений огромен, а складывающаяся судебная практика свидетельствует о том, что выявлению этических рисков в ходе разрешения возникающих экономических споров

уделяется должное внимание. Это, в свою очередь, способствует не только стабилизации судебно-арбитражной практики, но и развитию альтернативных способов разрешения споров под эгидой судов.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что арбитражные суды играют системную роль в формировании этики делового оборота через толкование и применение принципов добросовестности и разумности, пресечение

неэтичного поведения участников предпринимательских отношений, а также создание устойчивых правовых позиций по спорным вопросам деловой практики. В указанном аспекте арбитражные суды выступают не только органами по разрешению экономических конфликтов, но и важнейшим институтом формирования правовой культуры добросовестного предпринимательства в современной России.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, в ред. от 15.12.2025 г.] // Рос. газ. 2002. 27 июля; 2025. 18 дек.
2. Миклашевская, Н. И. Правовая природа обычая делового оборота // Антиномии. 2001. № 2. С. 343–358.
3. Козлова, В. Н. Обычай делового оборота как источник современного гражданского права // Инновации в науке. 2012. № 14–2. С. 33–39.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. I [от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ, в ред. от 31.07.2025 г.] // Рос. газ. 1994. 8 дек.; 2025. 8 авг.
5. О защите конкуренции: федер. закон [от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ, в ред. от 24.06.2025 г.] // Рос. газ. 2006. 27 июля; 2025. 27 июня.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Критерии системности и повторяемости в определении домашнего насилия

Ларина Софья Николаевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается значение критериев системности и повторяемости при правовом определении домашнего насилия на примере физического и сексуального насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, системность, повторяемость, физическое насилие, сексуальное насилие, подавление воли, индивидуализация ответственности.

В дискуссии о правовой природе домашнего насилия особое место занимает вопрос о критериях системности и повторяемости насильственного поведения. Указанные признаки традиционно рассматриваются как элементы, позволяющие отграничить домашнее насилие от иных форм межличностной агрессии и обосновать необходимость применения специальных мер защиты и профилактики. Физическое и сексуальное насилие обладают высокой степенью общественной опасности и образуют состав преступления уже в силу факта их совершения, независимо от количества эпизодов. Следовательно, возникает вопрос о целесообразности выделения системности и повторяемости в отношении деяний, уголовная ответственность за которые наступает при однократном совершении.

В международных стандартах домашнее насилие определяется как «все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят среди членов семьи или домочадцев либо между бывшими или нынешними супругами, или партнерами независимо от того, проживает ли виновное лицо совместно с жертвой или нет» [1]. В этой связи системность и повторяемость рассматриваются как ключевые признаки, позволяющие выявить устойчивый характер насильственного поведения.

Повторяемость отражает множественность эпизодов насильственного поведения и носит преимущественно количественный характер. Она указывает на то, что насилие не ограничивается единичным случаем, а воспроизводится во времени. Системность, в свою очередь, представляет собой качественную характеристику, выражающую функциональную взаимосвязь отдельных актов насилия, их направленность на достижение устойчивого контроля и подчинение воли пострадавшего. При этом, системность может проявляться даже при относительно небольшом количестве эпизодов, если они формируют устойчивую модель принуждения. Здесь мы можем рас-

сматривать повторяемость как внешний индикатор, а системность — как сущностную характеристику домашнего насилия. Таким образом, повторяемость и системность не являются тождественными признаками: первая фиксирует множественность действий, вторая — их внутреннюю логику и целевую направленность.

Применительно к физическому насилию системность проявляется в использовании физического воздействия как инструмента дисциплинирования и подавления воли жертвы. Повторяющиеся акты физической агрессии формируют у жертвы устойчивое ожидание насилия, что существенно снижает ее способность к сопротивлению и обращению за защитой. Даже при отсутствии насилия в конкретный момент времени системный характер предыдущих действий продолжает оказывать воздействие на поведение пострадавшего, ограничивая его свободу и волю. В таких условиях физическое насилие перестает быть единичным посягательством и приобретает характер постоянной угрозы. Таким образом, выделение данных критериев позволяет учитывать не только факт причинения вреда, но и контекст отношений сторон, что имеет значение для оценки рисков повторной виктимизации и применения защитных мер.

Сексуальное насилие в условиях близких отношений обладает выраженной спецификой. Повторяемость сексуального насилия способствует формированию у пострадавшего состояния утраты телесной безопасности и способности к свободному выражению согласия или отказа. Системный характер сексуального насилия проявляется в том, что отдельные эпизоды образуют устойчивую модель принуждения, в рамках которой сексуальные действия используются как средство контроля, унижения и доминирования. При этом даже единичный акт сексуального насилия, совершенный в условиях длительных зависимых отношений, может носить системный характер, если он сочетается с другими формами насилия. Критерий системности имеет значение не для констата-

ции факта сексуального насилия, а для установления состояния воли пострадавшего лица.

Выделение критериев системности и повторяемости в структуре домашнего насилия имеет не только теоретическое, но и существенное практико-ориентированное значение. Их установление позволяет перейти от формально-юридической фиксации отдельных эпизодов насильственного поведения к оценке насилия как устойчивого социально-правового феномена, оказывающего длительное воздействие на личность потерпевшего.

Прежде всего, критерий системности имеет значение при оценке поведения потерпевшего и достоверности его показаний. В правоприменительной практике нередко встречаются ситуации, когда жертва длительное время не обращается за защитой, продолжает совместно проживать с агрессором, отказывается от заявлений в правоохранительные органы либо дает противоречивые показания. При формальном подходе такие обстоятельства могут восприниматься как свидетельство отсутствия насилия либо как фактор, снижающий ценность показаний жертвы. Однако в условиях системного насилия подобное поведение является закономерным следствием длительного подавления воли, формирования страха, зависимости и утраты способности самостоятельно принимать решения. Установление системного характера насилия позволяет учитывать эти особенности не как проявление недобросовестности потерпевшего, а как объективное последствие противоправного воздействия.

Особое практическое значение критерий системности приобретает при анализе физического и сексуального насилия. В данном случае, как уже говорилось, речь идет не о сумме отдельных эпизодов, а о целенаправленном длительном воздействии на личность жертвы. В этом контексте системность имеет значение и для оценки согласия потерпевшего, прежде всего при расследовании преступлений сексуального характера. Формально выраженное согласие, полученное в условиях предшествующего системного насилия, не всегда может рассматриваться как свободное и осознанное волеизъявление. Длительное применение насилия формирует у жертвы адаптационные стратегии выживания, в рамках которых подчинение выступает как способ минимизации вреда. Учет данного факта позволит правоприменителю избежать формального подхода к оценке согласия и перейти к анализу реального состояния воли жертвы на момент совершения деяния.

Кроме того, установление системности имеет значение для индивидуализации уголовной ответственности лица, совершившего насилие. Системный характер насилия, на-

правленный на формирование устойчивого подчинения, свидетельствует о более высокой степени общественной опасности, чем изолированный эпизод, даже при сходстве формальных признаков деяния. Это позволяет рассматривать подавление воли жертвы как фактор, подлежащий учёту при выборе мер ответственности. И речь здесь идет не о подмене уголовно-правовой оценки субъективными переживаниями жертвы, а о комплексном учете объективных последствий системного насилия для личности пострадавшего. Такой подход обеспечивает баланс между защитой прав пострадавшего и принципом справедливости наказания, ориентируя правоприменение на оценку реальных последствий насилия для личности жертвы, а не исключительно на формальные характеристики отдельного эпизода.

Наконец, критерий системности имеет значение для определения объема и характера мер помощи жертве. Понимание глубины зависимости и степени подавления воли позволяет формировать индивидуализированные меры поддержки, включая психологическую, социальную и правовую поддержку.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что критерии системности и повторяемости играют ключевую роль в правовом осмыслении домашнего насилия, выходя за рамки формального описания отдельного эпизода противоправного поведения. Их значение заключается не столько в количественной характеристике насильственных действий, сколько в качественно ином механизме воздействия на личность потерпевшего. В этом смысле системность выступает не дополнительным элементом, а смыслообразующим признаком, позволяющим рассматривать домашнее насилие как устойчивое социально-правовое явление. Особую актуальность данный подход приобретает применительно к физическому и сексуальному насилию. Несмотря на безусловную уголовно-правовую реакцию на указанные деяния, учет системного характера позволяет глубже оценить степень общественной опасности, как и самого деяния, так и личности виновного. В условиях системного насилия речь идет не только о причинении вреда или посягательстве на половую неприкосновенность, но и о целенаправленном разрушении личности потерпевшего, что существенно расширяет понимание последствий насильственного поведения. Таким образом, обращение к критериям системности и повторяемости позволяет сформировать более точный и гуманизированный подход к правовой оценке домашнего насилия, основанный на учете состояния и воли потерпевшего, а также реальных последствий насильственного воздействия.

Литература:

1. «Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье» (CETS N 210) (Вместе с «Привилегиями и иммунитетами...») (Заключена г. Стамбуле 11.05.2011) // Консультант Плюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2026. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

2. Акуленко В. А. Криминологический анализ понятия «Домашнее насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskii-analiz-ponyatiya-domashnee-nasilie> (дата обращения: 29.01.2026).
3. Лемиш В. В. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН // Системная психология и социология. 2024. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-analiz-fenomena-domashnego-nasiliya-v-otnoshenii-zhenschin> (дата обращения: 29.01.2026).
4. Матвеева, Е. В., Пинегина Н. М. Домашнее насилие: проблема, факторы его определяющие и последствия у женщин, жертв домашнего насилия // Научный альманах. — 2021. — № 12–2 (86). — С. 97–101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47966884> (дата обращения: 29.01.2026)
5. Ушакова В. Д. Сексуальное насилие в браке: миф или реальность? // Вопросы Российской юстиции. — 2021. — № 14. — С. 550–558. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/seksualnoe-nasilie-v-brake-mif-ili-realnost> (дата обращения: 29.01.2026).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Проблемы применения Венской Конвенции 1980 года как основного источника регулирования правоотношений в договоре международной купли-продажи товаров

Хартанович Валентина Андреевна, студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (г. Москва)

Проводится исследование положений Венской Конвенции, которые предусматривают возможность сторон договора международной купли-продажи исключить применение Конвенции к отношениям, вытекающим из договора. Автор формулирует проблемные вопросы из рассматриваемых положений Конвенции. В статье приводятся и анализируются решения МКАС при ТПП РФ, где отмечаются общие тенденции в судебной практике по данному вопросу, исходя из чего автор предлагает возможные пути решения для эффективной защиты прав сторон договора.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи товаров, Венская Конвенция, международный договор, диспозитивность, исключение применения, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате России.

В настоящее время в эпоху глобализации и стремительного развития экономики несмотря на то, что в отношениях между странами в наднациональном уровне происходят изменения, заключаются международные договоры по вопросам публичного взаимодействия. Однако, в этом случае, государства являются субъектами международного публичного права, обладая государственным суверенитетом и рядом политических прав. Взаимоотношения между странами на публичном уровне влияют на международный торговый оборот, потому что вводятся санкции, эмбарго, регулируются таможенные пошлины и т. д. Определение публичных границ разрешенного режима отношений, стоит перейти к участникам международных частных отношений, которые продолжают существовать в меняющейся политической обстановке. Международное частное право (далее — МЧП) призвано регулировать отношения между участниками, в которых присутствует иностранный элемент. Коллизионные нормы МЧП помогают найти право, которое будет применимо в определенной ситуации, они не регулируют данные отношения, а обращают правоприменителя к материальным нормам определенного правового порядка.

Одним из главных механизмов торговли между странами является заключение договоров международной купли-продажи товаров (далее — МКП). Основным нормативно-правовым актом в данной сфере является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (далее — Конвенция). «Она была принята 11 апреля 1980 г. на Дипломатической конференции ООН, которая состоялась в Вене». [3, с. 4]. Главной целью при-

нятия Конвенции стало отсутствие единообразных норм в международной торговле, был необходим инструмент, способный устранить коллизии и пробелы в частноправовых отношениях и добиться унификации в сфере международных контрактов, несмотря на различия в национальных правовых системах.

Стоит отметить, что на момент принятия Конвенции, она действительно решила ряд вопросов в правоприменении, унифицировала материальные нормы, касающиеся перечня прав и обязательств продавца и покупателя, которые возникают из договора международной купли-продажи товаров. Кроме того, Конвенция закрепляет, что контрагентами в этом договоре могут быть только те участники, коммерческие предприятия которых находятся в разных странах.

Несмотря на успешное внедрение норм Конвенции в правовой порядок, спустя десятилетия после её принятия, ученые-правоведы и ведущие практики-юристы отметили несколько пробелов и коллизий. Более детально хочется раскрыть то, что согласно статье 6 Конвенции: «стороны могут исключить применение настоящей Конвенции либо, при условии соблюдения статьи 12, отступить от любого из ее положений или изменить его действие» [2]. С одной стороны, можно отметить, что здесь заложены основы диспозитивности выбора сторон, возможность отказа или применения Конвенции, но необходимо соблюдение статьи 12, которая предусматривает обязательность письменной формы договора МКП в случае, определенном в статье 96 Конвенции. С другой стороны, «...трудность заключается в том, что Конвенция не указывает, каким образом стороны должны обозначить та-

кой отказ: не ясна ни точная формулировка, ни направления толкования» [5, с. 130]. Кроме вопроса процедуры оформления отказа в рамках самого договора, необходимо разобраться в ситуации, когда стороны не сделали точное ясное заявление о том, что не будут применять Конвенцию в своём договоре, из чего следует вопрос: будет ли Конвенция автоматически применена судом в решении дела.

Стоит добавить, что Г. К. Дмитриева выделяет два уровня диспозитивности Конвенции. Первый уровень — закреплен в уже упомянутой статье 6, о том, что есть возможность не применять Конвенцию полностью. Второй уровень диспозитивности заключается в том, что «... в соответствии со статьей 92 государство при присоединении к Конвенции вправе сделать оговорку о том, что оно не будет связано либо ч. II «Заключение договора», либо ч. III «Купля-продажа товаров» [6, с. 322]. Например, Саудовская Аравия при принятии положений Конвенции совершила заявление, что Королевство не будет связано ч. III Конвенции, соответственно вопросы из этой части Конвенции будут решаться, опираясь на нормы национального порядка сторон при помощи коллизионных норм, без ссылок на положения Конвенции.

Возвращаясь к вопросу о неприменении норм всей Конвенции в договоре МКП, стоит отметить, что «... в настоящий момент ни в научной литературе по международному частному праву, ни в практике международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате России (далее — МКАС) не сформировано единой позиции по данному вопросу» [4, с. 1–2]. Кроме того, остаются без решения вопросы о том, что если стороны указали в договоре МКП о применимом праве, можно ли это рассматривать, как соглашение о неприменении Конвенции, или для этого необходимо явное четкое заявление.

Одним из примеров в судебной практике Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (далее — МКАС) является спор между компанией, имеющей местонахождение на территории Китайской Народной Республики (далее — КНР), истцом, и обществом на территории РФ, ответчиком, о взыскании суммы неустойки в связи с нарушением условий Контракта. Стоит отметить, что пунктом Контракта предусмотрено, что в качестве применимого к существу спора права считать право РФ. Кроме того, МКАС установил, что сведений об исключении сторонами применения норм Венской Конвенции к своим отношениям в материалы дела не было представлено. Следовательно, МКАС, рассмотрев спор, указал, что поскольку обе стороны являются странами-участницами Конвенции, при разрешении данного спора подлежат применению нормы Венской Конвенции, а в части вопросов, которые не урегулированы этим актом и общими правилами международного права, на которых она основана, субсидиарно применять материальное право РФ (правило субсидиарного статуса) [9]. По данному спору хочется сделать вывод о том, что несмотря на то, что сто-

роны изъявили явное желание применить к их спору нормы российского права, в первую очередь применяется Конвенция и общие принципы, а уже во вторую очередь национальное материальное право. Это свидетельствует о том, что нормы Конвенции применяются автоматически, в какой-то степени, императивно несмотря на то, что стороны указали применимое право, но не исключили применение Конвенции.

Приведем другой пример из судебной практики. МКАС рассматривал спор между компанией КНР и ООО из России о взыскании задолженности по Контракту на изготовление и поставку товара, штрафа и расходов на рассмотрение третейского спора. Судом было установлено, что с 1990 года между предприятиями и организациями Союза ССР и внешнеторговыми предприятиями, и организациями КНР действуют «Общие условия поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР», которые были утверждены Протоколом (далее — Протокол), который имеет статус международного договора РФ межведомственного характера. Согласно статье 90 Конвенции, она не затрагивает действия любого международного соглашения, которое уже было заключено и содержит вопросы, урегулированные в Конвенции. Из материалов дела было установлено, что стороны не исключили применение Протокола к их правоотношениям из Контракта, не заявили возражения.

Таким образом, МКАС, разрешая спор, пришел к выводу о том, что при разрешении настоящего спора, по существу, подлежат применению нормы Протокола об общих условиях поставок в той части, в которой иное регулирование не предусмотрено сторонами в условиях Контракта. К вопросам, прямо не урегулированным положениями Протокола, применяются нормы Конвенции. Если же вопрос не урегулирован ни Протоколом, ни Конвенцией, то субсидиарно подлежат применению материальные нормы права РФ.

Исходя из решения МКАС можно сделать вывод о том, что суд опирается прежде всего на иерархию нормативно-правовых актов по юридической силе в международном частном праве, а затем уже проверяет, заявили ли стороны отказ от применения того или иного акта. В данном споре стороны не отказались ни от норм Протокола, ни от норм Конвенции, в следствие чего, суд, установил алгоритм применения права, упомянув, что согласно статье 15 Конституции РФ устанавливается приоритет международных договоров перед внутренним законодательством, что и было отражено в решении МКАС [8].

Кроме того, можно сделать предположение, что также существует возможность исключения применения норм Конвенции в ситуации, когда стороны указывают на нежелание применять к их отношениям основные принципы и обычаи международного права. Дело в том, что Конвенция не регулирует часть вопросов, которые важны и будут являться существенными в процессе договорных отношений, например, вопрос недействительности договора, последствия перехода права собственности, вопросы неустойки и др. Согласно части 2 статьи

7 Конвенции те вопросы, которые не имеют разрешения в Конвенции, подлежат разрешению с помощью общих принципов, на которых она основана, а если таких нет, то в соответствии с применимым правом. Можно сделать вывод, что если стороны четко изъявили волю не применять общепринятые принципы международного права, значит они отказались и от норм Конвенции, в результате чего обратятся к нормам конкретного правопорядка.

Таким образом, можно отметить, что в судебной практике МКАС ключевым чаще всего выступает то, что стороны не воспользовались статьей 6 Конвенции и не исключили применение Конвенции напрямую. От этого возникают различные толкования в разных решениях и определение разного порядка применения Конвенции и иных нормативно-правовых актов. Судам приходится решать вопросы о том, стоит ли применять нормы Конвенции, если стороны сделали выбор в пользу определенных правопорядков, либо же отказ от общепринятых принципов тоже следует рассматривать, как исключение норм Конвенции.

Однозначных ответов и единого мнения в судебной практике и правовой доктрине нет на сегодняшний день. Для достижения единообразного толкования Конвенции, стоит рассмотреть такие формы взаимодействия, как воз-

ложение на уже существующие органы по работе с нормами международного права обязанностей по толкованию и применению норм Конвенции, проведение международных конференций между с государствами-участниками Конвенции, а также усовершенствование существующего законодательства (путем принятия дополнительных протоколов к Конвенции). Необходимо внести дополнения в акты, позволяющие толковать применение и исключение норм Конвенции в отдельных договорах, где будет четко прописано, в какой форме и в каком порядке стороны могут изъявить желание исключить применение Конвенции, например, как в форме арбитражной оговорки, которая регулирует вопрос выбора суда для разрешения спора. Данную оговорку необходимо составлять корректно, чтобы она не была признана недействительной. Когда будет установлена форма, стороны смогут сделать однозначное сформулированное волеизъявление об исключении применения положений Конвенции к отношениям, вытекающим из договора МКП. Такой механизм позволит наиболее эффективно защищать права и законные интересы участников международной торговли, а также снизить риски недобросовестного поведения и злоупотребления правами одной из сторон.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. — 1994. — № 1.
3. Викторова, Наталья Николаевна. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: толкование и применение национальными судами государств: автореферат дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Московская государственная юридическая академия. — Москва, 2006. — 29 с.
4. Кочетов, Глеб Владимирович. К вопросу о пределах применения Венской Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // Legal Concept. — 2013. — № 3. — С. 1–8.
5. Лебедев, С. Н. Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть. — Москва: Статут, 2015. — 763 с. — ISBN 978–5–8354–1106–1.
6. Дмитриева, Г. К. (отв. ред.). Международное частное право: учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2016. — 680 с.
7. Чиркин, В. Е. Сравнительное правоведение: учебник для магистратуры. — 2-е изд., пересмотр. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 320 с. — ISBN 978–5–91768–618–9.
8. Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 28.07.2017 по делу № М-19/2017 [Электронный ресурс] // CISG.info: база данных случаев по Венской конвенции.
9. Решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 22.03.2021 по делу № М-54/2020 [Электронный ресурс] // CISG.info: база данных случаев по Венской конвенции.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 2 (54) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.02.2026. Дата выхода в свет: 21.02.2026.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.